

А. В. Ромашко, Л. П. Крылова †

СКИФСКИЙ КУРГАН У с. КАЛИНОВКА В НАДПОРОЖЬЕ

Статья посвящена анализу погребального обряда скифского погребения у с. Калиновка, в инвентаре которого присутствует часть стенки металлического котла. Проведено хронологическое определение комплекса, установлен возможный статус погребенного в социальной структуре скифского социума.

Ключевые слова: скифская культура, курган, погребальный обряд, социальная структура, «держатель котла».

В 1973 г. отряд Днепропетровского национального исторического музея им. Д. И. Яворницкого (рук. зав. отдела археологии Л. П. Крылова)¹ провел археологические спасательные работы в Солонянском р-не Днепропетровской обл. (Крылова, Елинов 1973; 1975, с. 306—307). Курганная группа в составе пяти визуально наблюдаемых насыпей и нескольких пятен от распаханых курганов располагалась к югу от с. Калиновка, по обе стороны дороги на с. Вовниги. На вершине наибольшего по размерам кургана (высота около 5 м) установлен знак триангуляции. Курганы находились на государственном учете с 1971 г. Однако несмотря на это, к 1973 г. в могильнике сохранились только две насыпи (кроме кургана со знаком), одна из которых сильно распахана. В течение 1972 г. два других кургана были срыты, а грунт использован для хозяйственных нужд. Доисследование погребений, фиксирующихся

на уровне материка, финансировалось Днепропетровским областным правлением Украинского общества охраны памятников истории и культуры (Крылова, Елинов 1973).

Курган 1 располагался в 30 м к югу от кургана со знаком триангуляции. Высота составляла 1 м от уровня современной поверхности, диаметры С—Ю и З—В соответственно 36 и 39 м. Исследовано девять погребений, относящихся к энеолиту — бронзовому веку. Культурная принадлежность трех погребений из-за их фрагментарности не определена. Основное погребение 7 относится к постмариупольской культуре, маркерами погребального обряда которой являются форма могильной ямы, вытянутое на спине положение умершего, ориентация на В, присутствие охры карминного цвета в порошке и небольших комочках. Инвентарь представлен цилиндрическими пронизями, свернутыми из тонкого медного листа, край которых скреплен с помощью заклепки.

Интересующий нас скифский курган 2 находился на удалении 20 м от дороги на с. Вовниги, справа от нее. К моменту раскопок насыпь снята до уровня материка (рис. 1: 1, 6, 7). По словам местных жителей, курган достигал высоты около 4 м при диаметре до 30 м. Последнее подтверждается наличием ровика с двумя перемычками у восточного и западного краев, протяженность каждой из них достигала 1,5 м (рис. 1: 1). Ширина ровика на уровне обнаружения варьирует от 0,7 до 0,9 м, у дна — 0,2 м, глубина на дно — 0,7 м (иногда достигает 1 м). Стенки рва с внешней стороны отвесные, с внутренней — скошены под углом в 45°. Поблизости от В перемычки ровика обнаружена нижняя челюсть лошади (?). Ее присутствие может, очевидно, свидетельствовать о наличии

1. Автор благодарит Дирекцию Днепропетровского национального исторического музея им. Д. И. Яворницкого и зав. фондами археологии ст. науч. сотр. М. И. Сердог за возможность работать с коллекцией артефактов из раскопок у с. Калиновка.

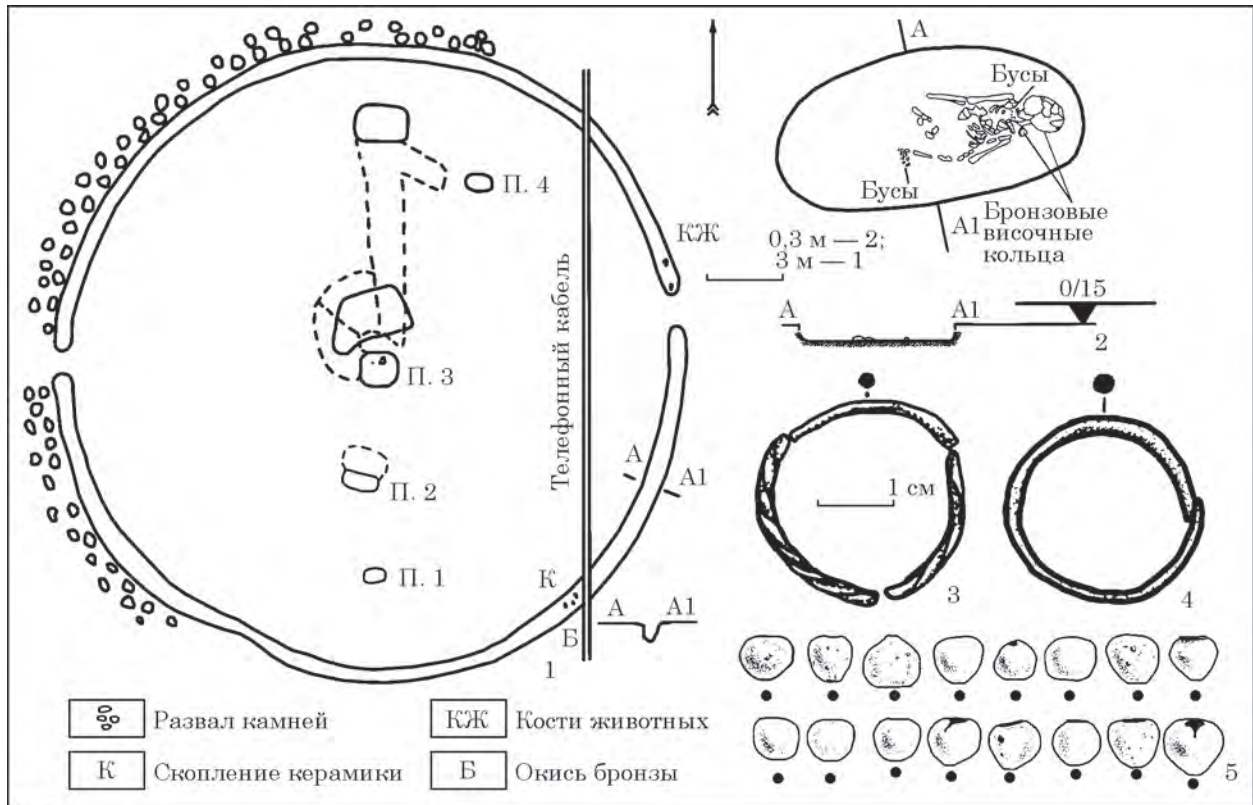

Рис. 1. Калиновка, курган 2: 1 — общий план; 2 — погребение 1; 3—5 — инвентарь погребения 1; 6, 7 — моменты раскопок Л. П. Крыловой

тризны как составляющего элемента погребального обряда.

Курган окружал кромлех, прослеживаемый за пределами ровика в западной части насыпи. Отдельные камни, несмотря на значительное разрушение, сохранялись в вертикальном положении (рис. 1: 6).

Планиграфические наблюдения за размещением могильных ям всех доисследованных на подкурганном пространстве погребений, позволило авторам раскопок сделать вывод об их одновременности. Об этом, на наш взгляд, могут свидетельствовать: могильные сооружения основного погребения 3 и детских заборонений 1, 2 и 4 расположены практически на одной оси и сохраняют близкие параметры относительно размеров и глубины, ориентации погребенных и пр.

Погребение 1 — выявлено к Ю от условного центра кургана (рис. 1: 2). Входной колодец катакомбной могилы и часть погребальной камеры разрушены при снятии курганной насыпи. Дно камеры фиксировалось в виде овального углубления длиной 1,8 м и шириной 0,6 м, продольная ориентация В—З. На дне сохранилась верхняя часть детского скелета до таза. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на В. Правая рука вдоль тела, кисть отсутствует, левая слегка согнута в локте. Череп склонен к правому плечу. Слева у головы и под черепом обнаружены бронзовые височные кольца. В районе шейных позвонков и у левой кисти собраны бочонковидные бусины из стекловидной пасты¹.

1. В отчете Л. П. Крыловой материал указан как кость.

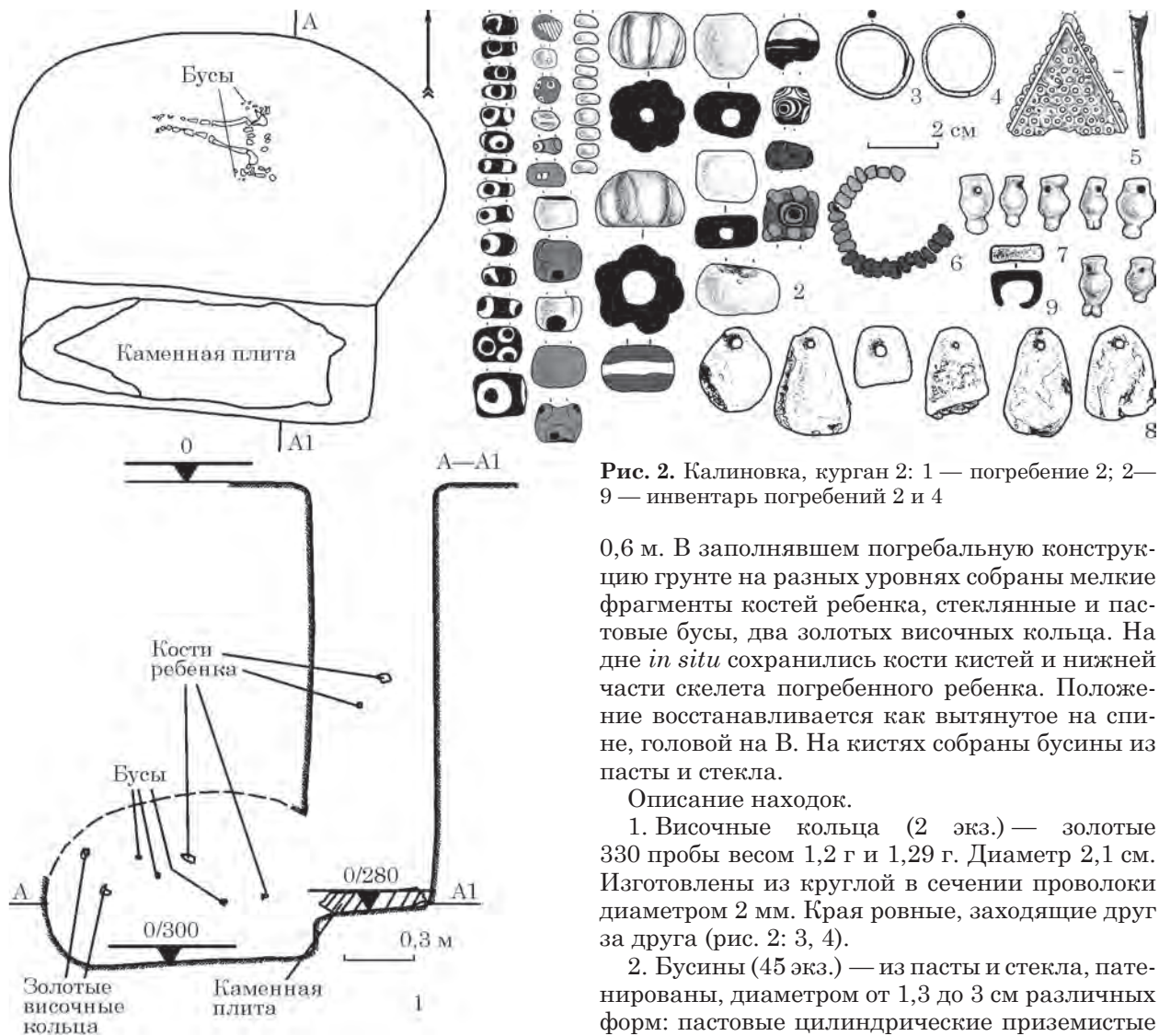

Рис. 2. Калиновка, курган 2: 1 — погребение 2; 2—9 — инвентарь погребений 2 и 4

0,6 м. В заполнявшем погребальную конструкцию грунте на разных уровнях собраны мелкие фрагменты костей ребенка, стеклянные и пастовые бусы, два золотых височных кольца. На дне *in situ* сохранились кости кистей и нижней части скелета погребенного ребенка. Положение восстанавливается как вытянутое на спине, головой на В. На кистях собраны бусины из пасты и стекла.

Описание находок.

1. Височные кольца (2 экз.) — золотые 330 пробы весом 1,2 г и 1,29 г. Диаметр 2,1 см. Изготовлены из круглой в сечении проволоки диаметром 2 мм. Края ровные, заходящие друг за друга (рис. 2: 3, 4).

2. Бусины (45 экз.) — из пасты и стекла, патенированы, диаметром от 1,3 до 3 см различных форм: пастовые цилиндрические приземистые глазчатые (14 — со светло-желтыми вставками на темно-сером фоне; одна — на светло-сером фоне со светлыми вставками); пастовая — шаровидная с многочисленными темно-серыми глазками на светлом охристом фоне; пастовые шаровидные глазчатые (семь экз., синие и зеленые глазки на коричневом фоне), пастовые цилиндрические (10 экз. темно-серого цвета, патенированы); стеклянные желобчатые или сегментовидные (два экз. приглушенного оливкового цвета, патенированы); пастовые слегка приплюснутые, шаровидные (два экз. синего цвета с бледно-желтой горизонтальной полосой, одна бусина сохранилась частично); цилиндрические неорнаментированные (шесть экз. коричневого и светло-бежевого цветов); бородавчатая с желтыми шаровидными отростками на коричневом фоне, глазки синие с желтым; цилиндрическая и биконическая сегментированные (рис. 2: 2).

3. Подвески трапециевидной формы со сквозными просверленными отверстиями в верхней части (рис. 2: 8). Изготовлены из пористого камня светло-бежевого цвета с вкраплениями, одна имеет более плотную структуру, зашли-

Описание находок.

1. Бронзовое, прямоугольное в сечении, витое височное кольцо, диаметр 3,5 см, сторона сечения — 0,2 см (рис. 1: 3).

2. Бронзовое, круглое в сечении височное кольцо с гладкими сплюснутыми, заходящими друг на друга, концами. Диаметр — 2,6 см, сечения — 0,2 см (рис. 1: 4).

3. Пастовые бочонковидные бусины (16 экз.) диаметром от 0,5 до 0,8 см со следами темной перламутровой патины (рис. 1: 5).

Погребение 2 — располагалось на расстоянии 4 м к С от погребения 1 (рис. 2: 1). Входной колодец в виде узкого прямоугольника с закругленными углами размерами 1,45 × 0,5 м прослежен на глубину 2,8 м. Ориентирован в широтном направлении. В заполнявшем грунте встречены отдельные кости скелета ребенка. На дне найдена сланцевая плита, которой, очевидно, закрывался вход в погребальную камеру. Последняя впритык примыкала к колодцу с севера. Форма овальная, размеры 1,8 × 1,2 м. Дно камеры ниже дна входной ямы на 0,2 м, высота сохранившейся части свода составляла

фована. Максимальные размеры $2,8 \times 1,8$ см, толщина 0,6 см.

4. Подвеска (рис. 2: 5) бронзовая, треугольной в плане формы, со стороной 3,3 см, толщина — 0,1 см. Орнаментирована ассиметрично нанесенным пуансоном, ушко сломанное.

5. Раковина семейства «*Rapana venosa*», размерами $4 \times 3,5$ см.

Кроме вышеперечисленных в отчете предметов, в фондах ДНИМ находятся 10 шаровидных и цилиндрических пастовых бусин светло-охристого цвета, диаметром от 0,3 до 0,5 см.

Погребение 4 — впущено к СВ от погребения 3, в четырех метрах к ЮВ от грабительского входа. Сохранилась придонная часть погребальной камеры размерами $1,1 \times 0,75$ м, продольной осью ориентирована в широтном направлении. Скелет ребенка с молочными зубами фрагментирован. Положение вытянуто на спине, головой на В. У шейных позвонков найдены стеклянные амфоровидные бусины, у кистей собраны пастовые бусины и изделие из бронзы, интерпретируемое авторами раскопок как обоймочка, а нами рассматривается в качестве перстня.

Описание находок.

1. Пастовые бусины (7 экз.) — амфоровидные со следами плакирования золотой фольгой, максимальный диаметр 1 см, высота до 1,6 см. Поверхность патенирована, в двух изделиях «ножка амфоры» расчленена (рис. 2: 7).

2. Бусины (24 экз.) пастовые цилиндрические, максимальный диаметр 0,5 см, светло-бежевого цвета с золотисто-розовой перламутровой патиной (четыре экз.), светло-коричневой шершавой поверхностью (семь экз.), агатовые (13 экз) (рис. 2: 6).

3. Перстень бронзовый с гладким подовальным щитком, края несомкнуты. Размеры — $1,4 \times 1 \times 0,3$ см (рис. 2: 9)

Погребение 3 — основное (рис. 3: 1). Входная яма катакомбы почти круглой формы, размерами $1,6 \times 1,5$ м находилась по центру под курганной площадки, ограниченной ровиком. Заполнение состояло из затечного грунта, что свидетельствует об ограблении через входной колодец. В нем на глубине 2,7 м обнаружены разбросанные кости человека и фрагменты бронзовой пластины. Ниже лежала сдвинутая в сторону аморфная плита, служившая заслоном входа в камеру. Размеры: длина — 1,2 м, ширина — 0,4 м, толщина — 0,2—0,3 м. Вход в камеру устроен в СВ части входной шахты. Вокруг плиты и под ней, найдены бронзовые обоймочки и трехлопастный наконечник стрелы. При углублении до 3,4 м у В стены обнаружены части сильно коррозированного железного наконечника копь.

Ниже плиты яма заполнена грунтом с примесью глины, дно установлено на 3,8 м от обнаружения. По центру выявлено углубление до 0,5 м, круглой формы, связанное, очевидно, с действиями грабителей.

Проход в камеру арочной формы размерами $1 \times 0,5$ м. Камера выведена в северный сектор кургана, форма подпрямоугольная с закругленными углами, ориентирована в широтном направлении. Камера соединялась с колодцем посредством дромоса общей протяженностью 3,5 м.

На дне камеры вне анатомической связи сохранились многочисленные кости погребенных в ней людей. Погребение коллективное — двух взрослых (мужчина и женщина) и ребенка. В положении *in situ* лежали кости ног мужского скелета, свидетельствующие о том, что погребенные положены вытянуто на спине, головой ориентированы на В. Рядом с фалангами пальцев ребенка обнаружены пастовые бусы синего цвета, среди костей взрослых найдены четыре дукольчатые золотые подвески.

У входа в камеру, с внутренней стороны найдена часть стенки бронзового котла с отогнутым краем венчика размерами $12 \times 7—8$ см¹. На незначительном удалении от него лежала часть лутерия, фрагменты которого уже встречались в различных частях погребальной конструкции. Ближе к восточной стенке обнаружены девять бронзовых наконечников стрел, четыре костяных, круглых в плане, конических ворварки² и бронзовые обоймочки.

По предположению авторов раскопок, погребение подвергалось ограблению неоднократно. Кроме указанного выше варианта, оно осуществлялось через грабительский ход, идущий к камере с севера. Об этом свидетельствует обнаружение на расстоянии 2 м от С части ровика входной ямы грабительского хода. Она прямоугольной формы размерами $2,2 \times 1,5$ м, прослеженная глубина составляет 4 м. При углублении до 3,4 м в СЗ углу обнаружены кости животного, разрозненные кости взрослого и фрагменты лутерия. Среди костей человека найдены костяное острие, фигурное изделие из кости и костяная рукоять ножа с обломанным лезвием.

Под Ю стенкой, в сторону камеры погребения 3, устроен лаз общей протяженностью 9 м. Установлено, что первоначально он практически по всей длине прошел ниже уровня камеры на 1,2 м и лишь частично задел восточную ее часть. Именно этим, возможно, объясняется присутствие в конце лаза отдельных костей человека, а в самой входной яме золотых дукольчатых подвесок, что свидетельствует все же об удачной попытке грабителей. Эти находки перекрывал трехсантиметровый слой затечного грунта. Находки, обнаруженные выше него, отражают, очевидно, еще одну по-

1. В фондах ДНИМ фрагмент котла не числится.

2. В тексте отчета Л. П. Крыловой указано 4 костяные ворварки, в фондах ДНИМ хранится 3, графическое изображение которых представлено в этой статье.

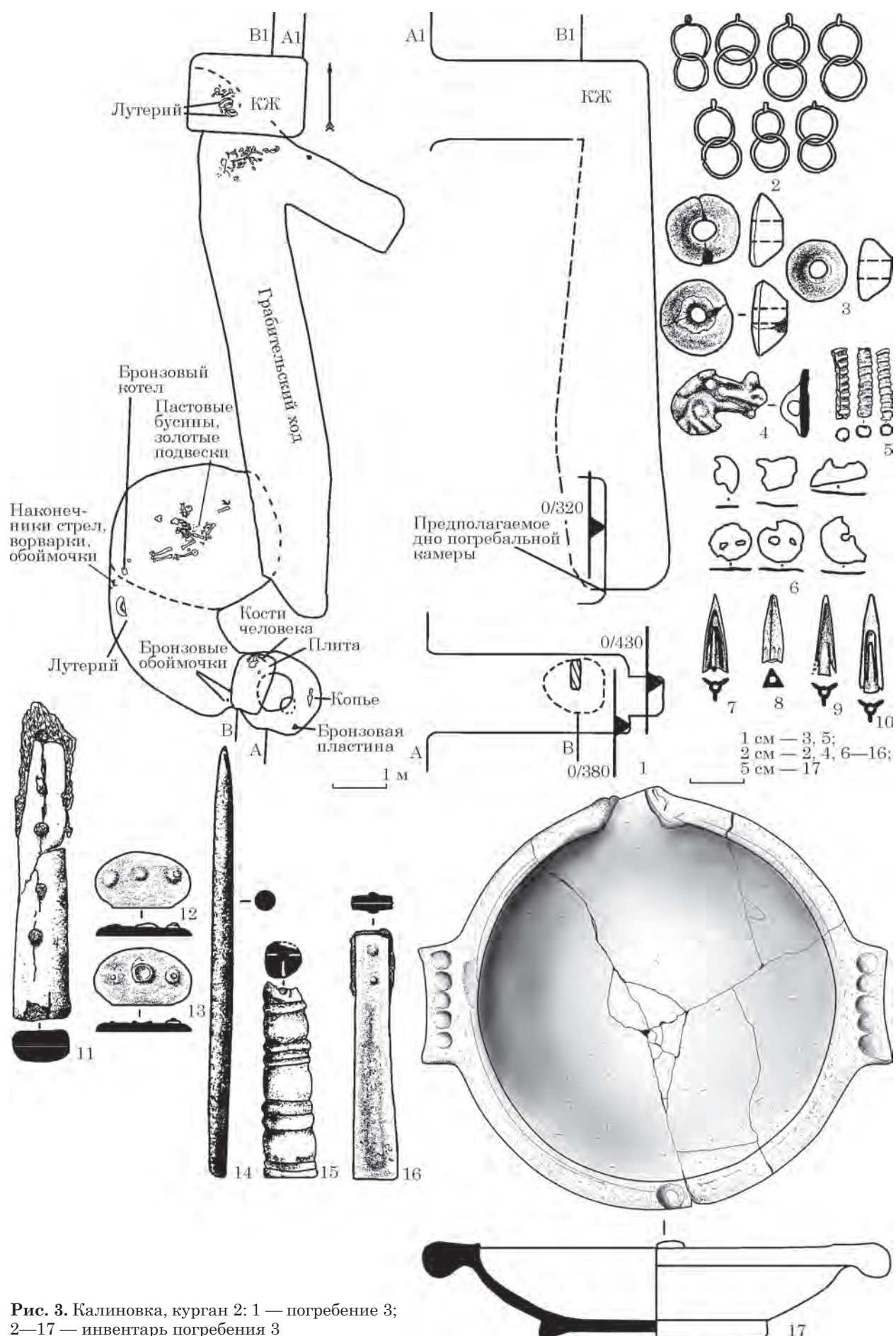

Рис. 3. Калиновка, курган 2: 1 — погребение 3; 2—17 — инвентарь погребения 3

пытку в ограблении, которая по обилию «потерянных» вещей наиболее удачна для грабителей и информативна для исследователей. Так, здесь обнаружены кости животных и человека, фрагменты железа и мелкие детали изделий из бронзы, принадлежность которых к определенному типу не установлена. Найдены также бронзовая пряжка¹ и фрагменты лутерия, три золотых двукольчатых подвески, три золотых пронизи с поперечным рифлением и бляха от узды «петушок». На разных уровнях заполнявшего яму грунта собрано восемь бронзовых трехлопастных наконечника стрел, две костяные рукоятки ножей, костяное цилиндрическое острие², мелкие бронзовые колечки³ и мало выразительные фрагменты железного предмета, возможно, акинака. Подтверждением этого, по мысли Л. П. Крыловой, являются и находки двух костяных накладок от него.

Описание находок из основного погребения

1. Подвески (7 экз.) двукольчатые максимальным диаметром 1,7 см из круглой проволоки сечением 2 мм. Концы соединены, ушко припаяно. Подвески изготовлены из золота 500 пробы, общая масса — 7,45 г (рис. 3: 2).

2. Пронизи (3 экз.) — золотые цилиндрические рубчатые, свернуты из тонкой пластины. Золото 375 пробы, с красным оттенком, общая масса изделий — 0,55 г. Длина — 1,3 см, диаметр продольного канала — 0,3 см (рис. 3: 3).

3. Бляха — «петушок» — бронзовая в виде морды фантастического животного со стилизованным глазом и клювом, размерами 3,5 × 2,5 см, максимальная толщина изделия 3 мм. На оборотной стороне — полуовальная петля размерами 1,4 × 0,9 мм (рис. 3: 4).

4. Ворварки (3 экз.) костяные, трапециевидные в сечении, круглые в плане, максимальный диаметр основания — 1,5 см (рис. 3: 6).

5. Кошье — железное, фрагментировано, металл сильно корродирован. Предполагаемая длина 30 см, диаметр втулки — 4 см.

6. Пуговицы — бляшки (2 целых, 4 фрагментированных экз.) изготовлены из тонкого листа бронзы (толщина до 1 мм), плоские с двумя отверстиями для крепления. Максимальный диаметр — 1,7 см (рис. 3: 5).

7. Обоймочки (9 целых и 4 фрагментированных экз.)⁴ — бронзовые, из подовальной в се-

чении пластины, края несомкнуты, со следами покрытия золотой фольгой, максимальные размеры 0,7 × 1 см.

8. Наконечники стрел бронзовые, выделены следующие типы (Мелюкова, 1964).

а) трехлопастные вытянуто-пирамидальной формы со скрытой втулкой и опущенными вниз концами лопастей (4 экз.). Средние размеры 3 × 0,8 см (рис. 3: 7). Отдел II, тип 6, вариант 7.

б) трехгранный пирамидальной формы со скрытой втулкой и П-образными углублениями на концах граней (рис. 3: 8). Средние размеры 3 × 0,8 см. Отдел III, тип 5, вариант 3 (1 экз.), вариант 4 (20 экз.).

в) трехлопастные вытянуто-пирамидальной формы с трехгранной головкой, незначительно выделенной втулкой и опущенными вниз концами лопастей (2 экз.). Размеры 3,5 × 0,9 см (рис. 3: 10). Отдел II, тип 4, вариант 8.

г) трехлопастные вытянуто-пирамидальные с выделенной втулкой. Концы лопастей опущены и заострены (7 экз.). Размеры 3,5 × 0,9 см (рис. 3: 9). Отдел II, тип 4, вариант 11.

9. Рукоять ножа с обломанным железным лезвием — накладки костяные, поверхности заполированы, скреплялись по центру пятью железными заклепками. Длина сохранившейся части изделия — 10 см, максимальная ширина 1,9 см, толщина — 1,3 см (рис. 3: 11). В фондах ДНИМ к находкам из к. 2 у с. Калиновка относится нож (рис. 3: 16) типологически сопоставимый с вышеописанным.

11. Накладки (2 экз.) — костяные полусферической формы от меча, крепились между собой с помощью сохранившихся железных заклепок. Размеры — 3,5 × 2,1 × 0,2 см (рис. 3: 12, 13).

12. Детали составного веретена (?) — представлены гладко отполированным цилиндрическим стержнем сохранившейся длиной 18,2 см. Края сломаны, визуально несколько утончены (рис. 3: 14). Резная часть в виде конического, выточенного на токарном станке изделия с чередующимися, попарно расположенными, бороздками-валиками. Верхний конец обломан. Сохранившаяся длина — 7,5 см (рис. 3: 15).

13. Лутерий — кружалный, керамический сосуд с кольцевидным выделенным дном, коническим туловом, уплощенным, отогнутым наружу широким краем венчика, образующим симметричные ручки. Напротив носика-слива помещен небольшой уплощенный налп. Диаметр дна — 20 см, устья — 50 см (рис. 3: 17).

Таким образом, все погребения к. 2 калиновского могильника определяются как скифские и совершены в однотипных катакомбных могилах. По классификации В. С. Ольховского они относятся к 1 типу (1—2 варианты), который объединяет бездромосные или однодромосные однокамерные сооружения с параллельными длинными осями входной ямы и камеры. Они

1. В тексте отчета Л. П. Крыловой указана бронзовая пряжка из грабительского хода. В фондах ДНИМ среди артефактов отсутствует предмет, который можно идентифицировать с данным предметом.

2. В фондах ДНИМ в коллекции находок из к. 2 у с. Калиновка в наличии только 1 костяное острие, речь о котором шла выше.

3. В фондах ДНИМ в коллекции артефактов из к. 2 у с. Калиновка данные артефакты отсутствуют.

4. В тексте отчета Л. П. Крыловой указано 7 обойм, в фондах ДНИМ хранится 9 целых и 4 фрагментированных экземпляра.

получают распространение в Причерноморье в IV—III вв. до н. э. (Ольховский 1977, с. 117). Важным временным показателем является и такая черта погребального обряда как поза и ориентация погребенных. В нашем случае все скелеты лежат вытянуто на спине головой на восток, что согласно исследованиям В. Ю. Мурзина также указывает на IV—III вв. до н. э. (Мурзин 1982, с. 53).

Бронзовая бляха-петушок как один из аксессуаров конской сбруи, по данным С. А. Скорого, достаточно широко представлена в скифских комплексах второй половины IV в. до н. э. (Скорый 2014, с. 124). Примечательно, что аналогичные изделия происходят из таких знаковых курганов Степной Скифии как Гайманова Могила, Чертомлык, Бабина Могила. Для Лесостепи А. Д. Могилов также отмечает присутствие аналогичных блях в курганах Тясминской подгруппы, Посулья, Северскодонецкой группе и др. и относит их к IV в. до н. э. (Могилов 2008, с. 53).

Датирующими для основного погребения выступают, прежде всего, наконечники стрел. Часть из них принадлежит типам II отдела, относимого А. И. Мелюковой к третьей хронологической группе второй половины V — начала IV вв. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 16—17). В то же время, подавляющее количество из найденных наконечников (21 экз.) типологически представлены в двух типах III отдела используемой классификации, что позволяет датировать их серединой IV — первой половиной III в. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 17). При этом важным представляется замечание самой А. И. Мелюковой о том, что «комплексы наконечников стрел второй половины IV и IV—III вв. до н. э. мало чем отличаются» и широко представлены в царских и рядовых курганах Поднепровья (Мелюкова, 1964, с. 25).

Достаточно редко в скифских погребениях, и не только Надпорожья, присутствуют составные веретена. Найденное в п. 3 относится ко второму типу изделий, известных в материалах античных городов Северного Причерноморья (Петерс 1986, с. 57—60). Близкий нашему экземпляру (Петерс, 1986, с. 58—59, табл. X: 17) происходит из Хоминой могилы, датированной концом IV — началом III вв. до н. э. (Мозолевский 1973, с. 231, рис. 37). Ю. В. Болтрик и Е. Е. Фиалко также отмечают, что веретена с дисковидными насадками использовались населением Боспора и скифами с середины IV и практически до первой четверти III вв. до н. э. (Болтрик, Фиалко 2007, с. 46). В хронологических рамках III—II вв. до н. э. в античных городах Северного Причерноморья бытует и такой тип посуды как лутерий (Кастанаян, Арсеньева 1984, с. 328, табл. СXXXVII, рис. 60). Его присутствие в составе инвентаря основного погребения отражает не только торгово-экономические связи, но, очевидно, и подчеркивает,

в силу редкой встречаемости этого типа изделий в скифских древностях, определенный статус погребенных лиц.

Все вышесказанное, позволяет датировать п. 3 второй половиной IV — началом III вв. до н. э. К этому же времени относятся, очевидно, и детские захоронения кургана. Достаточно сказать, что присутствующие в погребении бусы с внутренним золочением появились в Северном Причерноморье в III в. до н. э. (Алексеева 1984, с. 238).

Обращаясь к вопросу о прижизненном статусе погребенных основного п. № 3 рассматриваемого кургана у с. Калиновка следует отметить ряд признаков, которые являются маркерами социальной стратификации скифского общества и уже получили признание среди исследователей. К ним, согласно Б. Н. Мозолевскому (Мозолевский 1979, с. 156—157), В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 121), Ю. В. Болтрику (Болтрик 2001, с. 78—80) и др., относятся размеры курганной насыпи, наличие ровика со следами тризны и крепиды или других конструкций из камня. Перечисленные составляющие, как было показано выше, характеризуют рассматриваемый комплекс. Кроме них, определяющими являются, безусловно, тип погребального сооружения (размеры, элементы оформления и пр.) и состав сопутствующего инвентаря. Поскольку в основном погребении присутствует часть стенки металлического котла, то нами, в связи с проведенным ранее исследованием, предложен возможный ранг «держателя котла» кургана у с. Калиновка. В соответствии с разработанными нами критериями для скифских погребений «держателей котлов», мужчина из основного погребения при жизни был главой рода нижней аристократической прослойки скифского социума (Ромашко 2015, с. 151).

Относительно связи трех детских погребений кургана — № 1, 2 и 4 с основным, ситуация усложнена отсутствием стратиграфически аргументированной их позиции в качестве одновременных или впускных захоронений. В связи с этим, представляется необходимым высказать некоторые предположения. В том случае, если детские погребения совершены одновременно или после основного погребения, то учитывая типологическую близость погребальных сооружений и состав сопутствующего инвентаря можно, очевидно, рассматривать их как членов или близких родственников тех, кто захоронен в основной могиле. В данном случае можно согласиться с существующим мнением о том, что однотипность погребальных конструкций, представленных в одном кургане или могильнике, предполагает родовую или племенную близость погребенных (Ольховский 1977, с. 127).

При одновременности основного и детских разновозрастных погребений в катакомбах,

возможен и вариант их зависимого, подчиненного положения. В таком случае заслуживает внимания тот факт, что сопровождающие погребения совершены в специально устроенных для них однотипных могилах. Такая традиция отмечена в ряде скифских курганов сопредельных территорий. Например, при раскопках Двугорбой могилы в Донецкой области, могилы мужчины-слуги с предметами вооружения и орудиями труда находились вне основной двухкамерной катакомбы (Привалова, Зарайская, Привалов 1982, с. 148—178). О существовании у сарматов, хунну и других народов древности обряда обращения в рабство детей и подростков пишет А. М. Хазанов (Хазанов 1975, с. 143, 147). Присутствие среди погребенных в основной могиле ребенка как возможного наследника достаточно высокого социального статуса отца, и позволяет соотнести именно с ним рассматриваемую группу детских погребений.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Е. М. 1984. Бусы и подвески. В: Кошеленко, Г. А. (ред.). *Античные государства Северного Причерноморья*. Москва: Наука, с. 237-239. Археология СССР.

Болтрык, Ю. В. 2001. Соціальна стратифікація Скифії періоду «золотої осені». *Магістеріум. Археологічні студії*, 6, с. 78-80.

Болтрык, Ю. В., Фіалко, О. Є. 2007. Веретена з дископодібними насадками зі скифських пам'яток. *Археологія*, 3, с. 42-47.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Кастанаиян, Е. Г., Арсеньева, Т. М. 1984. Керамика. В: Кошеленко, Г. А. (ред.). *Античные государства Северного Причерноморья*. Археология. Москва: Наука, с. 229—232.

Крылова, Л. П., Елинов, И. М. 1973. *Отчет Днепропетровского исторического музея за 1973 г. (с. Калиновка, Привольное и с. Васильевка Солонянского р-на)*. НА ІА НАНУ, ф. 64, 1973/6е.

Крылова, Л. П., Елинов, Л. П. 1975. Раскопки курганов в Днепропетровской области. *Археологические открытия 1974 г.*, с. 306-307.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скифської доби у лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський: Мошинський В. С..

Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 187-235.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Мурзин, В. Ю. 1982. Погребальный обряд степных скифов VII—V вв. до н. э. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 47-64.

Ольховский, В. С. 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье. *Советская археология*, 4, с. 108-128.

Петерс, Б. Г. 1986. *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва: Наука.

Привалова, О. Я., Зарайская, Н. П., Привалов, А. И. 1982. Двугорбая Могила. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 148-178.

Ромашко, О. В. 2015. *Металеві казани скифської культури (VII—III ст. до н. е.)*. Дисертація к. і. н. Київ.

Скорый, С. А., Зимовец, Р. 2014. *Скифские Древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: Олег Філюк.

Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва: Наука.

REFERENCES

Alekseyeva, E. M. 1984. Busy i podveski In: Koshelenko, G. A. (ed.). *Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka, s. 237-239. Arkheologiya SSSR.

Boltryk, Yu. V. 2001. Sotsialna stratyfikatsiia Skifii periodu «zolotoi oseni». *Magisterium. Arkheolohichni studii*, 6, s. 78-80.

Boltryk, Yu. V., Fialko, O. Ye. 2007. Veretena z dyskopodibnymy nasadkamy zi skifskyykh pam'iatok. *Arkheolohiia*, 3, s. 42-47.

Pinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kastanaian, E. H., Arseneva, T. M. 1984. Keramyka. In: Koshelenko, G. A. (ed.). *Antychnye hosudarstva Severnogo Prychernomoria*. Arkheolohiia. Moskva: Nauka, s. 229-232.

Krylova, L. P., Elinov, I. M. 1973. *Otchet Dnepropetrovskogo istoricheskogo muzeya za 1973 g. (s. Kalinovka. Privolnoye i s. Vasilyevka Solonyanskogo r-na)*. NA IA NANU, f. 64, 1973/6e.

Krylova, L. P., Elinov, L. P. 1975. Raskopki kurganov v Dnepropetrovskoy oblasti. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1974 g.*, s. 306-307.

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov*. Moskva: Nauka.

Mohylov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifskoi doby u lisostepu Skhidnoi Yevropy*. Kyiv; Kam'ianets-Podilskyi: Moshynskyi V. S.

Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskiy pogrebeniya u s. Nagornoye bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiy drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, s. 187-235.

Mozolevskiy, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Nauk. Dumka.

Murzin, V. Yu. 1982. Pogrebalnyy obryad stepnykh skifov VII—V vv. do n. e. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 47-64.

Olkhovskiy, V. S. 1977. Skifskiy katakomby v Severnom Prichernomorje. *Sovetskaya arkheologiya*, 4, s. 108-128.

Peters, B. G. 1986. *Kostoreznoye delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka.

Privalova, O. Ya., Zarayskaya, N. P., Privalov, A. I. 1982. Dvugorbaya Mogila. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 148-178.

Romashko, O. V. 2015. *Metalevi Kazany Skifskoi Kultury (VII—III st. do n. e.)*. Dysertatsiia k. i. n. Kyiv.

Skoryy, S. A., Zimovets, R. 2014. *Skifskiy drevnosti Kryma. Materialy odnoy kollektzii*. Kiev: Oleh Fylyuk.

Khazanov, A. M. 1975. *Sotsialnaya istoriya skifov*. Moskva: Nauka.

A. V. Romashko, L. P. Krylova

THE SCYTHIAN BARROW NEAR KALINOVKA VILLAGE IN NADPORIZHZHYA

In 1973 Dnipropetrovsk Yavornitsky National Historical Museum conducted archaeological rescue works

near the village Kalinovka, Solonyansky district, Dnipropetrovsk region.

Scythian barrow 2 was the 4 m high with a diameter up to 30 m. The mound was surrounded with the circle of the stone blocks. Four Scythian burials were discovered. Three of them belong to children of different ages, one — to the family. All burials were in destroyed catacomb graves. The skeletons lied supine with their head directed to the east. They were accompanied by gold and bronze jewelry and glass beads.

The primary grave 3 deserves the greatest attention. It was also made in catacomb grave in the centre of the barrow, on the same axis with children's tombs. The grave has been repeatedly looted and the looting mine and other violations of the grave were fixed. The burial was collective — two adults (a man and a woman) and a child laid supine with their head directed to the east.

The grave goods were represented by the fragment of metal caldron, bronze arrow heads (34 pieces), the fragments of iron spear-head and possibly the sword, several knives with bone handle, the bronze plate, a «cockroach», a Greek lutherium, details of the composite Greek spindle, and numerous decorations. Scythian barrow 2 dates from the second half of the 4th to the beginning of the 3rd century BC. The group of children's graves of the barrow ought to be obviously include to this interval.

As to the question of the life status of persons buried in the grave 3 it should be noted that, according to the

criteria proposed by one of the authors for the Scythian burials of the «holders of the cauldron», the man from the primary grave was the head of the lower aristocratic stratum of the Scythian society. The presence of a child in the central burial as a possible descendant of a sufficiently high social status of his father, allows to consider simultaneously the main children's burials as dependent and subordinate to this particular person.

Keywords: Scythian culture, barrow, burial rite, social structure, «holder of the cauldron».

Одержано 06.06.2019

РОМАШКО Олександра Володимирівна, кандидат історичних наук, доцент, Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара, пр. Гагаріна, 72, Дніпро, 49000, Україна.

ROMASHKO Olexandra, Candidate of Historical Sciences, Docent, the Oles Honchar Dnipro National University, Gagarina avenue, 72, Dnipro, 49000, Ukraine.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5474-5468>, e-mail: romashko.a.v@gmail.com.

КРИЛОВА Людмила Петрівна (1930—1987), завідувач відділом археології Дніпропетровського історичного музею ім. Д. І. Яворницького.

KRYLOVA Liudmyla (1930—1987), Head of Department of Archaeology, Dmytro Yavornytsky National Historical Museum of Dnipro.